
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

**Михаил Кураев. Кому не нужна наша история? Исторические новеллы.
СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, 2023. — 248 с.**

Восстанавливая «забытые» и вычеркнутые из нашего гражданского календаря даты, Михаил Кураев опровергает расхожее мнение о том, что история ничему не учит. Погружаясь в историю во время работы над двадцатисерийным фильмом «Раскол», писатель полностью прочувствовал, как никоновская реформа середины XVII века откликнулись в начале XX века. «На немецкие деньги революцию не устроишь, а владея „контрольным пакетом“ и безупречным моральным статусом, с „антихристовой властью“, можно, наконец, и покончить». В канун революций старообрядцам и выходцам из старообрядческой среды принадлежало 60 % российского капитала. О том, какие всходы дало так и не искорененное официальной властью старообрядчество, М. Кураев пишет в очерке «От первого лица», посвященном борцу за отеческую веру и автору шедевра русской словесности протопопу Аввакуму. Но если советскому школьнику полагалось знать особо памятные костры, освещавшие европейское средневековье: сожжение Я. Гуса, Жанны д'Арк, Дж. Бруно (известны ли эти даты современным школьникам?), то в учебниках истории и литературы дата 14 апреля 1682 года отсутствовала. А это день, когда в Страстную пятницу в заполярном Пустозерске, в пятнадцати верстах от нынешнего Нарьян-Мара, был сожжен заживо великий русский писатель протопоп Аввакум с союзниками. Исчезла из нашего календаря дата, знаменующая великое событие, которое миллионы жителей России ждали столетиями, — 19 февраля 1861 года. Благодаря Манифесту Александра II почти тридцать миллионов (!) рабов в один день оказались на свободе, но вместо того, чтобы благодарить и кланяться, стали бунтовать. Этой реформой, проведенной под давлением рабовладельцев

и с максимальной для них выгодой, была заложена мина замедленного действия, которая рванула в 1905 году, а потом, на той же взрывчатке нерешенных проблем, и в 1917 году (очерк «Историческая дата»). Не должно выпадать из общественной памяти, по мысли автора, и 1 марта 1881 года, дата покушения на Александра II. На причины этого трагического события автор предложил посмотреть глазами его современников («Два взрыва с комментариями»). Нечто цельное в правлении «Романовых» прослеживается в очерке «Начало и конец династии. 410 лет со дня воцарения на русском престоле дома Романовых». А начинается исследование с оценки «незамеченных» и реальных заслуг Годунова, с боярских интриг шекспировского масштаба, с избрания на российский престол Михаила Романова. М. Кураев пишет о том, что помогало Романовым удерживаться на троне триста лет и почему, пышно отпраздновав в 1911–1913 годах трехсотлетие своего царствования, получив свидетельства всех своих верноподданных о любви и преданности, династия в три-четыре года сошла с исторического подиума. Но день 21 февраля — избрания именно в этот день в 1613 году первого царя новой династии — должен быть отмечен в календаре хотя бы потому, что избирала его «вся земля» — Земский собор с участием боярства, дворянства, духовенства, купечества, служилых, представителей земель и тягловых людей. История созыва этого собора, история Земских соборов вообще доказывает, что вряд ли нам надо учиться у кого-то демократии, если богатейший ее опыт есть в нашей истории. В очерке «1917 год. Февральская революция» М. Кураев предлагает взглянуть на историческое событие с точки зрения редактора сценарного отдела киностудии: кому мы обязаны сюжетом этой драмы? Кто постановщик? А предводители, первые лица Государственной думы — Родзянко, Гучков, Милюков, Керенский, Шульгин — знали, что воспоследует за экспромтом с вырванным у царя отречением? Могли предположить, что через год-полтора придется, спасая жизнь, бежать из безжалостно поднятой на дыбы России? Писатель вглядывается в прошлое, чтобы увидеть, как, махом разрушив прежнюю власть, и центральную, и на местах, в какое болото безвластия втянули Россию «вожди Февраля». Отдельный сюжет: почему из «Календаря коммуниста за 1930 год» убрали «День свержения самодержавия» — 12 марта (2–3) по старому стилю. Среди дат, которые следует включить в наш календарь, есть и 19 декабря. Именно в этот день в 1926 году вступила в строй Волховская ГЭС — первенец ленинского плана ГОЭЛРО, материальное свидетельство смысла социалистической революции. В очерке «...Их первая любовь» М. Кураев предлагает не развлекаться «угадайкой» — «был ли Ленин шпионом или нет», а обратиться к истории создания советской энергетики, задуманного еще в разрушенной, воюющей с Германией стране, и вспомнить пионеров электрификации — Графтио и Кржижановского. В гипотетическом разговоре с отцом («Отец в роли Жимерина») опровергаются многие измышления 1980–1990-х о советском прошлом, в том числе о том, что СССР и Сталин не готовились к войне и эвакуированные на восток заводы выгружали в «чистое поле». Отец писателя, инженер-строитель Н. Кураев, знал реалии прифронтового тыла, рассказывал, как в Ярославле, в Горьком, в Ленинграде превращенные в костер заводы, выполнявшие военные заказы, восстанавливались из пепла в короткий срок. Особое место в книге Кураева, жителя блокадного Ленинграда, занимают свидетельства о жизни и повседневном подвиге ленинградцев в годы блокады. В очерке «Память о блокаде или блокада памяти» он опровергает «запретную правду» перестроечных времен — с помощью фактов, фотографий в газетах военных лет, собственного опыта и опыта близких. Покидая Ленинград днем через Ладогу, он точно знает, что никаких вмерзших в лед «шпал» из человеческих тел не было. Для него, ребенком вывезенного из блокадного города, кошунством звучит

«дорога смерти». Как противопоставление вымысла о блокаде писатель приводит выдержки из дневника малообразованной молодой женщины двадцати семи лет, бойца батальона МПВО. Эти документальные свидетельства поражают трагизмом будней, духовной свободой и высокой нравственностью автора. С пера сходят фразы, заставляющие вспомнить перо Гоголя, Чехова, Зощенко, Платонова. Среди дат, отсутствующих в нашем обиходном календаре, и 31 марта 1814 года, день, когда русские войска под командованием генерала Н. Раевского торжественно вступили в Париж. На фоне забывтья многих значимых дат эта громко прозвучала в наши дни. Очерк «Наши в Париже» дает понимание, где «зарыта собака», что периодически просыпается и бросается на Россию. И актуально звучит предостережение Менделеева о том, каким соблазном является наша земля для окружающих нас народов. Каждым своим очерком, включенным в эту книгу, М. Кураев подтверждает, что «исторический опыт поучителен, впрочем, только для тех, кто хочет учиться».

Теодор Гальперин. Тогда в Иерусалиме. (Б. М.) Издательские решения, 2022. — 228 с.

Теодор Гальперин, инженер-физик, специалист в области авиационной аппаратуры, работавший в одном из институтов ВПК, заслуженный изобретатель РСФСР, волею судеб — и таланта — в 47 лет ставший бардом-исполнителем, в своих рассказах прочерчивает траектории судеб людей знакомых, близких, а иногда и придуманных, но очень реалистично «вылепленных» героев. Прочерчивает и свою в автобиографическом повествовании, так и названном «Траектория судьбы». Он родился в 1937 году в Киеве. Ему было 3 года и 8 месяцев, когда началась война. Он помнит вой сирен, взрывы, дым. «Бабушка бежит по нашей улице, завернув меня в одеяло. Я выпростал голову из-под одеяла, вижу темное небо и на его фоне огромные, низколетающие черные птицы. Это были мессершмитты, первые самолеты, которые я увидел в своей жизни. Бабушка бежит в бомбоубежище. С моей ноги падает туфля. „Бабушка, туфля!“ — кричу. Бабушка возвращается, поднимает туфлю и бежит дальше». Дальше — бомбоубежище: «Женщины и дети. Простые, неокрашенные столы и скамейки. На столах — крынки с молоком и кружки». Казалось, траектория судьбы вела еврейскую семью по прямой — в Бабий Яр. Но мать, 24-летняя женщина, управделами авиационного завода вместе с заводом была эвакуирована в Новосибирск. Вместе с ней уехали маленький сын и ее мать. У Т. Гальперина отличная память, сохранившая яркие детали двухнедельной поездки в глубь страны: товарный вагон, нары, долгие остановки: приходилось пропускать идущие к фронту поезда. Он описывает жизнь семьи в эвакуации. И добавляет яркие, значимые детали, о которых узнал уже взрослым человеком. Так, в лютую зиму 1942 года к строящим взлетно-посадочную полосу для эвакуированного завода политзаключенным секретарь Новосибирского обкома привез ящик водки и обратился к ним со словами: «Дорогие товарищи! Мы делаем одно общее дело...» «Так никто их не называл, самое уважительное — по номеру на одежде... ВПП вступила в строй досрочно...» К 1943 году только истребителей-бомбардировщиков Як-9 выпускалось в день по 30 самолетов (это — авиаполк). В 1947 году семья Гальпериных обосновалась в Ленинграде, жили в 12-метровой комнате вчетвером, новорожденный брат спал в корыте, поставленном на табуретку. Приметы времени. Точно, красочно рисует автор послевоенный быт Ленинграда, жизнь в общежитиях, в коммунальных квартирах, отношения между людьми. Он повествует о личных драмах, о

порушенных войной семьях — отзвуки войны. Это и история дяди Гриши, обаятельного военного моряка-одессита, безногого инвалида-сапожника, уже седого в свои 30 лет. Мальчик, от лица которого идет повествование, подружившись с Гришей, узнает, что тот в августе 1941 года участвовал в трагическом переходе кораблей из Таллина в Ленинград, во время которого погиб отец рассказчика, и был свидетелем его гибели. Юная жена Гриши умерла в блокаду («Дядя Гриша»). От первого лица, что оправданно — в повествованиях много личного, ведется рассказ «Илья и Марк», героями которого являются дяди автора. По их рассказам, по отрывкам бесед он реконструирует их воинский путь. Совсем молодыми — 20 и 25 лет — уходили они на фронт. Храбро сражались, получили высокие награды, оба перенесли тяжелые ранения, выжили, но оба стали инвалидами. Илья прошел войну в морском десанте, участвовал в Керченско-Феодосийской операции и в Керченско-Эльтигенской. Марк воевал в танковых частях, горел в танке... Летом 1943 года в Курской битве был уже на усовершенствованном танке Т-34. Личные судьбы их сложились по-разному. Истории об искренней, вдохновенной и многолетней любви, о прекрасных женщинах, талантливых и нежных, способных одарить ключом от Счастья, собраны в разделе «О любви и нелюбви». И снова — траектории судеб прочерчиваются на хорошо прорисованном, богатым узнаваемыми деталями фоне — послевоенное время, 80-е, 90-е годы... Забытые Богом уголки России и стольные грады... Житейские перипетии и непредсказуемые душевные порывы... И как некий закономерный финал — добрая улыбка в рассказах, посвященных семье. Как в автобиографическом рассказе о единственном случае, когда его жена признала свою ошибку. Хороший совет: «Делайте втихаря свое дело, если уверены — оно ваше, добивайтесь результата, и тогда — жена непременно скажет вам, хоть один раз в жизни: Да, дорогой, я ошиблась». Среди житейски приземленных, реалистических историй резко выделяется рассказ «Тогда в Иерусалиме». И снова — все выглядит вполне реалистично. В 26 лет Т. Гальперин оказался на границе жизни: воспаление легких, инфекционно-аллергический миокардит, четыре месяца в больнице, пульс до ста пятидесяти, порой потеря сознания, падание в невесомость и полет по темному тоннелю, где в конце едва брезжит что-то похожее на начало рассвета. Из тоннеля он выходил-вылетал под воздействием исцеляющего взгляда матери, бесценно дежурящей у постели, ее теплых рук, сменяющих очередную рубашку, ее энергетики, от которой по телу разливалось спасительное тепло. И он начал поправляться. А потом были диссертация и погружение в область биофизики. И тихо вызревала догадка: «...может быть, сакральная, мистическая связь между матерью и ребенком образуется в утробе матери и с перерезанием пуповины не исчезает. И мать может воздействовать своим голографическим полем мозга на дитя и после рождения, возбуждая мозг и вызывая резонанс в голографическом поле ребенка». Не это ли лежало в основе его исцеления? И был интерес к картинам на религиозные темы, чтение книги Э. Ренана «Жизнь Иисуса», поездка в Иерусалим. И там — невероятное видение, невероятная догадка! «И может быть, тогда в Иерусалиме... Мария прильнула к его изголовью. От великой материнской любви согрелась душа его...» Т. Гальперин выдвигает очень смелую и убедительную — физик! — догадку о том, как воскрес Спаситель и где живет Душа. А в заключение — снова на землю, о том, как он, поэт и бард, ученый-физик, и автор-исполнитель, художник и поэт Нина Тарасова в безденежные, безработные 90-е годы создали дуэт, успешно выступавший на самых разных концертных площадках, — «Двойной портрет: Нина и я в интерьере Санкт-Петербурга».

Екатерина Дмитриева. Второй том «Мертвых душ»: замыслы и домыслы.**М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 464 с.**

Екатерина Дмитриева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, обращается к одной из самых интригующих и до сих пор не решенных загадок в гоголевском наследии — к загадке второго тома «Мертвых душ». А была ли вообще полностью завершенная рукопись второй части бессмертной поэмы Гоголя? О ее существовании есть только весьма косвенные данные: туманные высказывания самого Гоголя и исполненные надежды пророчества его современников. Что же именно тайком от всех сжег писатель в ночь с 11 на 12 февраля 1852 года в доме графа А. Толстого на Никитском бульваре, куда вселился по приглашению владельца? И почему? И откуда взялись черновые главы второго тома «Мертвых душ», будоражащие умы исследователей до сих пор? Те, кто пришел в дом А. Толстого 21 февраля (день кончины Гоголя), никаких бумаг в его комнате не нашли. Их отсутствие было подтверждено документами Московской городской полиции об осмотре вещей Н. Гоголя. Кроме того, менее чем через два часа после смерти Гоголя врач А. Тарасенков констатирует, что шкафы уже осмотрели, но «не нашли не им писанных тетрадей, ни денег». Шесть месяцев спустя после вскрытия комнаты Гоголя по-прежнему в ней особо ценных бумаг не обнаружили. И только несколькими днями позднее случилось неожиданное: бумаги Гоголя были найдены, и среди них — «Объяснение на Литургию» и черновые главы второго тома «Мертвых душ». Кто конкретно обнаружил эти главы, у кого они хранились все шесть месяцев после кончины Гоголя, по сей день остается загадкой почти детективного свойства. Е. Дмитриева пишет не детектив, а серьезное исследование, во многом выросшее из ее работы над подготовкой второго тома «Мертвых душ» в составе нового академического собрания сочинений Гоголя. Она проливает свет на обстоятельства, которые сопровождали создание глав второго тома. Рассматривает все версии о сожжении рукописей и дальнейшем их счастливым обнаружении, которые выдвигали современники Гоголя и исследователи и писатели последующих поколений, отечественные и зарубежные. Рассказывает об истории и мотивах создания второй части «Мертвых душ», на основании просьб писателя к своим корреспондентам выявляет источники, с которыми работал Гоголь. А запрашивал он труды по статистике, этнографии, истории, сочинения религиозного и духовного характера. Просил рассказывать об анекдотических житейских ситуациях, о злоупотреблениях администрации, о духе современного общества, о характерных особенностях людей разных сословий, их странностях, необычных черточках. Немало страниц Е. Дмитриева посвящает вопросу о возможных прототипах персонажей, «живых лицах», послуживших Гоголю для «типических обобщений». Анализируя сохранившийся текст, эпизоды, в которых отразились события, реалии, острые вопросы гоголевской современности, она устанавливает время и место действия второго тома поэмы: после 1831 года, Поволжье, Сибирь. Выявляет связь между Чичиковым и старообрядцами-бегунами. Благодаря имеющимся в распоряжении исследователя документам и воспоминаниям современников реконструирует развитие сюжета на разных этапах творческой истории. Делает сравнительный анализ списков, воссоздает их печатную историю. Особенность обнаруженных рукописей заключалась в том, что они состояли словно из двух слоев. Возможно, потому, что на каком-то этапе Гоголь начинал переписывать набело текст, попутно подвергая его не слишком значительной правке. А затем уже по этому тексту вносил существенные исправления и дополнения

и на полях, и между строк. Каждый, кто заново пытался читать и расшифровывать гоголевские рукописи второго тома, предлагал свой вариант, не полностью совпадавший с предыдущим. Путаницу вносили и списки, находившиеся у частных лиц: еще до публикации более или менее выверенного списка уцелевших глав «Мертвых душ» их читали публично в узком кругу, переписывали, естественно, делали ошибки. Вдруг после смерти Гоголя выяснилось, что он уже устраивал чтение глав для своих друзей, но рукопись при этом тщательно прятал. «И остается тайное сомнение (в особенности, если учитывать дар гоголевской импровизации): не была ли то игра „с чистого листа“». В дополняющих друг друга воспоминаниях сохранились восхищенные отзывы, сценки, факты — где, когда, кому читал свое произведение (речь идет о девяти главах второй части поэмы) Гоголь. Е. Дмитриева поднимает широчайший круг вопросов. Устанавливает хронологию чтений Гоголем второго тома «Мертвых душ». Критикует широко бытующую и в наши дни красивую, но слабо подкрепленную концепцию о соотнесенности трехчастного замысла поэмы «Мертвые души» с «Божественной комедией» Данте. Анализирует споры о возможности духовного преображения героев поэмы, ведущиеся с XIX века. Рассматривает «Мертвые души» как символический и эзотерический текст в контексте святоотеческой традиции и религиозно-философских исканий Гоголя, как вариант национальной утопии. Включает в книгу короткий обзор литературных мистификаций и стилизаций на тему «Мертвых душ» — от современников Гоголя до конца XX века. Начало подобного рода «дописываниям» было положено романом А. Ващенко-Захарченко «Мертвые души. Окончание поэмы Н. В. Гоголя. Похождения Чичикова» (1857). А едва ли не последним, очень ярким тому примером является роман В. Шарова «Возвращение в Египет. Роман в письмах» (2013), в основу которого лег замысел показать трагическую историю XX века как результат «недоговоренного, недосказанного откровения» гоголевской поэмы. А вместо заключения предлагает литературную биографию Павла Ивановича Чичикова и жизненный текст Николая Васильевича Гоголя, проявляя чичиковские черты в Гоголе и гоголевские в Чичикове. Это серьезное исследование совсем не напоминает сухую научную книгу. Благодаря щедрому включению в текст огромного количества цитат из произведений Гоголя, из его переписки с близким кругом, из переписки между собой близких, из многочисленных мемуаров друзей и просто знакомых в ней звучат живые голоса Гоголя и его современников. А. Смирнова-Россет, Н. Языков, С. и И. Аксаковы, В. Жуковский, А. Данилевский, П. Плетнев... Эти голоса дополняют высказывания отечественных и зарубежных критиков и исследователей.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит издательства
за предоставленные книги